
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XI

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943)

St. Petersburg
2013

Д. А. Носов

Сказочный сюжет с парными мужскими/женскими персонажами в фольклоре монгольских народов

В статье рассматриваются три бурятских и одна халха-монгольская сказки на один сюжет, записанные в конце XIX—начале XX в. Сравнительный анализ их текстов показывает наличие в корпусе фольклора монголоязычных народов сказочного сюжета с неустойчивым гендерным маркером главного героя.

Ключевые слова: фольклор монгольских народов, сказка, система персонажей, гендерный параллелизм.

Работа по сбору и изданию фольклора монгольских народов, проводившаяся в 20—40-е гг. XX в. советскими исследователями совместно с Ученым Комитетом МНР в рамках Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР была очень результативной. Монголоведами подготовлено несколько подробных монографий, посвященных диалектам монгольского и бурятского языков, в которые входили записанные ими тексты произведений устного народного творчества. Одна публикация полностью посвящена сказкам [Амстердамская, 1940]. Собранные в ходе этой работы произведения и по сей день служат источником для исследований монгольских, российских и европейских фольклористов.

В корпусе записанных в этот период текстов устного народного творчества нами выявлены монгольская и бурятская сказки с одинаковым сюжетом и сходной системой персонажей. Между ними есть одно отличие, которое хотя и не было зафиксировано в работах предшественников, но представляется

нам важным для дальнейшего изучения поэтики сказок монгольских народов.

Халха-монгольская сказка, озаглавленная собирателем как «*tó allāk šartē emgê* / Старуха с быком, имевшим пестрины в пядь», была записана Л. А. Амстердамской осенью 1927 г. в степях Хан-Хэнтэй-ульского аймака¹ [Амстердамская, 1940. С. 3].

От аларских бурят² текст «*tónсэхэндэ өбөгөн* / Старик Тэнсэхэндэй» Н. Н. Поппе (1897—1991) зафиксировал летом 1928 г. на территории распространения данного диалекта [Поппе, 1930. С. 4].

Мы исходим из предположения, что оба текста являются вариантами одного и того же произведения. Чтобы подтвердить или опровергнуть данную мысль, проведем сравнительный анализ структуры обеих сказок. Для этого повествования будут разобраны по 31 функциональной схеме, предложенной В. Я. Проппом (1895—1970) в работе «Морфология [волшебной] сказки» [Пропп, 2005]. Схема сравнительного анализа дана в приведенной ниже таблице:

«Старуха с быком, имевшим пестрины в пядь» [Амстердамская, 1940. С. 6—7; 36—38].	«Старик Тэнсэхэндэй» [Поппе, 1931. С. 109—110; 211—212].
<i>i</i> – «Исходная ситуация» [Пропп. С. 25].	
<i>Старуха убивает своего быка и ищет того, кто бы помог его съесть.</i>	<i>По дороге за топливом старик убивает своего быка, имевшего плешину в пядь, и ищет того, кто бы съел быка.</i>
<i>z</i> ³ – «подвох», вариант, при котором антагонист действует иными средствами обмана или насилия [Пропп, 2005. С. 28].	
<i>Соглашается мангатхай.</i>	<i>Ворона съедает один глаз быка, сорока съедает перепонку сычуга, герой приглашает к себе в дом мангатхая.</i>

¹ После перерайонирования 1931 г. эта территория вошла в состав современного Хэнтэйского аймака Монголии.

² Аларские буряты — этнотерриториальная группа, расселенная в долине р. Белая и её притока р. Аларь. В её состав входили следующие малые племена: хонгодор, тайбажан, ашита, харганай, хагта, хабарнуд, шоно бурутхан, дуртэн, болдой, хотогой, сартул, шошолог, боронут, хурдуд, шарануд, холтубай, шакуй, янгуд, хурхуд, туралаг, хогой, ноед, бадархан [Буряты, 2004. С. 50].

g^3 — «пособничество», вариант, при котором герой механически реагирует на предыдущее действие антагониста [Пропп, 2005. С. 29].	
<i>Старуха приводит мангатхая в свой дом.</i>	<i>Мангатхаю недостаточно одного мяса, он вламывается в дом к старику.</i>
A_{17}^1 — «вредительство», вариант, совмещающий в себе черты похищения и угрозы канибализмом [Пропп, 2005. С. 29—32].	A^1 — «вредительство», вариант, предполагающий похищение героя антагонистом [Пропп, 2005. С. 29].
<i>Мангатхай хватает старуху и тащит её в свое жилище, чтобы скормить детям.</i>	<i>Мангатхай похищает старика.</i>
R^2 — «пространственное перемещение между двумя царствами, путеводительство», вариант, предполагающий перемещение по земле или воде [Пропп, 2005. С. 44].	
<i>Мангатхай несет старуху к себе в дом.</i>	<i>Мангатхай переносит старика к себе в дом.</i>
B^2 — «борьба», вариант, предполагающий вступление героя в состязание с антагонистом [Пропп. С. 45]. Π^2 — «победа», вариант, предполагающий победу героя над антагонистом в состязании [Пропп, 2005. С. 46].	Π^5 — «победа», вариант, предполагающий победу героя над антагонистом без предварительного боя [Пропп, 2005. С. 46].
<i>Мангатхай дает задание своим детям приготовить и съесть старуху. Старуха хитростью убивает детей мангатхая.</i>	<i>Старик убивает пятерых шелудивых сыновей мангатхая.</i>
L^4 — «ликвидация беды или недостачи», вариант, предполагающий добычу искомого как непосредственный результат предыдущих действий [Пропп, 2005. С. 47].	
<i>Старуха спасается от съедения.</i>	<i>Старик спасается от съедения.</i>
X^2 — «неузнанное прибытие», вариант, предполагающий прибытие в иное царство [Пропп, 2005. С. 51].	
<i>Старуха варит головы детей мангатхая, прячет их тела, а затем прячется сама.</i>	<i>Старик варит мясо детей мангатхая, прячет их головы, а затем прячется сам.</i>
$У$ — «узнавание» [Пропп, 2005. С. 53].	
<i>Старуха раскрывает совершенное ею убийство детей мангатхая, а также свое местоположение.</i>	<i>Старик раскрывает совершенное им убийство детей мангатхая, а также свое местоположение.</i>
$Н$ — «наказание» [Пропп, 2005. С. 54].	
<i>Мангатхай гонится за старухой и во время погони умирает.</i>	<i>Мангатхай гонится за стариком, тот последовательно (четыре раза) отрубает ему головы, чем и убивает его.</i>
Формулы сказок:	
$i z^3 g^3 A_{17}^1 R^2 B^2 \Pi^2 L^4 X^2 УН$	$i z^3 g^3 A^1 R^2 \Pi^5 L^4 X^2 УН$

Сравнительный анализ структур повествования текстов сказок показал, что они весьма сходны. Нами отмечены всего два различия в образных формах воплощения функций действующих лиц. Они заключаются в разном характере «вредительства» и использовании «победы» без предварительного боя в бурятской сказке вместо пары «борьба» — «победа» в монгольской. Исходя из данных компаративного рассмотрения сказок, мы считаем обоснованным называть их вариантами одного сюжета или фольклорного произведения.

С точки зрения структурной поэтики в рассмотренных текстах присутствуют функции трёх кругов действия:

Круг действия «вредителя» представлен в монгольской сказке действиями — $A_{17}^1 B^2 \Pi^2$, в бурятской — $A^1 \Pi^5$. Круг действия «помощника» в обеих сказках выражен функциями — $R^2 L^4$, круг действия «царевны» — $У, Н$.

При этом системы персонажей сказок состоят из двух образов — *старика/старухи* и группы *мангатхай и его дети*.

Первый образ включает в себя круг действия «вредителя» и функцию R^2 из круга действия «помощника».

Второй — круг действия «царевны» и функцию L^4 из круга действия «помощника». То есть в обоих случаях набор действий, совершаемых персонажем *старик/старуха*, идентичен и включает следующие функции: $L^4, У, Н$.

Итак, с точки зрения структуры повествования, персонажи обеих сказок играют абсолютно одинаковые роли.

Тем не менее гендерные маркеры персонажей противопоставлены друг другу. В монгольской сказке первый образ обозначается как *эмгэ* (совр. *эмгэн*) — старуха [БАМРС, IV. С. 409], в бурятской — *обгён* (совр. *убгэн(н)*) — старик [Черемисов, 1973. С. 487].

Учитывая, что «Старик Тэнсэхэндэй» записан меньше чем через год после «Старухи с быком, имевшим пестрины в пядь», можно утверждать факт бытования данных вариантов в один исторический период у

двух родственных этнических групп, проживавших на значительном расстоянии друг от друга.

Наличие одинаковых сюжетов с парными мужскими/женскими главными персонажами у родственных этнических групп не является уникальной особенностью корпуса сказок монгольских народов. Подобное явление было зафиксировано А. А. Бурыкиным в фольклоре народов Севера. Он отметил одновременное существование мифа о юноше, ушедшем жить с девушкой-нерпой у нивхов, и рассказов о девушке, полюбившей кита, у чукчей и эскимосов. В фольклоре сибирских этносов исследователь ука-

зывает на парный миф о медведе и женщине и охотнике и медведице [Бурыкин, 2007. С. 143].

Обратившись к подробному рассмотрению известных текстов на данный сюжет, мы обнаружили его устойчивость и распространенность в бурятской фольклорной традиции. Известный бурятский собиратель фольклора М. Н. Хангалов (1858—1918) опубликовал в 1889 г. две более ранние версии сюжета — «Старуха Хэрхэн» и «Тенехон» [Хангалов, 1889. С. 17—24], записанные от бурят Балаганского вedomства³, территория проживания которых с юга граничит с территорией аларских бурят. Действие в сказках развивается по одинаковой формуле:

«Старуха Хэрхэн» [Хангалов, 1889. С. 17—21].	«Тенехон» [Хангалов, 1889. С. 21—24].
<i>i</i> — «Исходная ситуация» [Пропп, 2005. С. 25].	
<i>Старуха Хэрхэн закалывает своего красного быка с белым пятном на лбу, которого кормила три года, и ищет того, кто помог бы ей его съесть.</i>	<i>Некто Тенехон закалывает своего быка с белым пятном на лбу, которого кормил три года, и ищет того, кто мог бы помочь ему съесть мясо.</i>
<i>z</i> ³ — «подвох», вариант, при котором антагонист действует иными средствами обмана или насилия [Пропп, 2005. С. 28].	
<i>Сорока предлагает свою помощь — старуха отказывается; ворона предлагает свою помощь — старуха отказывается; пастух рогатого скота предлагает свою помощь — старуха отказывается; пастух овец предлагает свою помощь — старуха отказывается; семиголовый мангатхай предлагает свою помощь — старуха соглашается.</i>	<i>Ворон предлагает свою помощь — Тенехон отказывается; сорока предлагает свою помощь — Тенехон отказывается; мангатхай предлагает свою помощь — Тенехон соглашается.</i>
<i>g</i> ³ — «пособничество», вариант, при котором герой механически реагирует на предыдущее действие антагониста [Пропп, 2005. С. 29].	
<i>Старуха приводит мангатхая к своему дому.</i>	<i>Старик приводит мангатхая к своему дому.</i>
<i>A</i> ¹ ₁₇ — «вредительство», вариант, совмещающий в себе черты похищения и угрозы канибализмом [Пропп, 2005. С. 29—32].	
<i>Мангатхай похищает старуху, чтобы затем ее съесть.</i>	<i>Мангатхай похищает старика, чтобы затем его съесть.</i>
<i>R</i> ¹ — «пространственное перемещение между двумя царствами, путеводительство», вариант, предполагающий перемещение по воздуху, на спине великана или духа [Пропп, 2005. С. 44].	
<i>Мангатхай кладет старуху в мешок и переносит к себе в дом.</i>	<i>Мангатхай кладет старика в мешок и переносит к себе в дом.</i>
<i>B</i> ² — «борьба», вариант, предполагающий вступление героя в состязание с антагонистом [Пропп, 2005. С. 45]. <i>P</i> ² — «победа», вариант, предполагающий победу героя над антагонистом в состязании [Пропп, 2005. С. 46].	
<i>Мангатхай дает задание своим детям приготовить и съесть старуху. Старуха хитростью убивает детей мангатхая.</i>	<i>Мангатхай дает задание своим детям приготовить и съесть старика. Старик хитростью убивает детей мангатхая.</i>
<i>L</i> ⁴ — «ликвидация беды или недостатка», вариант, предполагающий добычу искомого как непосредственный результат предыдущих действий [Пропп, 2005. С. 47].	
<i>Убив детей мангатхая, старуха избавляется от угрозы быть съеденной.</i>	<i>Убив детей мангатхая, старик избавляется от угрозы быть съеденным.</i>
<i>X</i> ² — «неузнанное прибытие», вариант, предполагающий прибытие в иное царство [Пропп, 2005. С. 51].	
<i>Старуха варит мясо детей мангатхая и прячется в яме около юрты своего антагониста.</i>	<i>Старик варит мясо детей мангатхая и прячется около юрты своего антагониста.</i>

³ Имеются в виду буряты балаганской или унгинской этнотерриториальных групп, расселенные в долинах Унги и ее притоков, в среднем течении Оки, а также по западному берегу Ангары. В их состав в XIX в. входили следующие малые племена: буюр, зунгар, ноед, олзой, муруй, хулмэнгэ, хогой, онгой, онхотой, икинад, барай, холгубай, шарад, боролдой, харануд, хангин, ашибагад, тэртэ, тагна, занги, янгут, соленгуд, готол, шарануд, ехэнуд, боронуд, зоб [Буряты, 2004. С. 50].

У — «узнавание» [Пропп, 2005. С. 53].	
<i>Мангатхай понимает, что съел мясо своих детей; старуха обнаруживает себя.</i>	<i>Мангатхай понимает, что съел мясо своих детей; старик обнаруживает себя.</i>
Н — «наказание» [Пропп, 2005. С. 54].	
<i>Мангатхай гонится за старухой, и та убивает его, последовательно (семь раз) отрубая ему головы.</i>	<i>Мангатхай гонится за стариком, и тот убивает его, последовательно (семь раз) отрубая ему головы.</i>
Формулы сказок:	
$i z^3 g^3 A_{17}^1 R^1 B^2 P^2 L^4 X^2 УН$	$i z^3 g^3 A_{17}^1 R^1 B^2 P^2 L^4 X^2 УН$

Обе сказки включают в себя три круга действия: «вредитель» в ней представлен функциями — $A_{17}^1 B^2 P^2$, «помощник» — $R^1 L^4$, «царевна» — У, Н. Система персонажей, как и в двух рассмотренных выше сказках, состоит из двух образов — *Старуха Хэрхэн/Тенехон* и *Семиголовый мангатхай и его семеро детей*. Распределение образов по функциям также соответствует текстам «Старуха с быком, имевшим пестрины в пядь» и «Старик Тэнсэхэндэй».

К сожалению, собиратель в обоих случаях привел лишь русский перевод, не дав оригинальных бурятских текстов.

Сказки, опубликованные Амстердамской и Поппе, обладают одинаковым набором, характером и образными формами выражения функций действующих лиц. При этом они имеют разные гендерные маркеры главных персонажей. Данный факт можно попытаться объяснить половой принадлежностью информанта. История «*tó allāk šartē emgē / Старуха с быком, имевшим пестрины в пядь*», главный персонаж которой — женского пола, была записана от халха-монголки Цеймпиле, девушки девятнадцати

лет [Амстердамская, 1940. С. 3]. Рискнем предположить, что информантом бурятской сказки, герой которой — старик, должен быть мужчина. К сожалению, Н. Н. Поппе на привел данных о гендерной принадлежности тех, от кого он записывал материалы на аларском наречии.

Ввиду отсутствия точных данных об информантах бурятского сюжета, зафиксированного М. Н. Хангаловым, мы не можем однозначно утверждать, что гендерный маркер главного персонажа зависит от половой принадлежности рассказчика. Тем более что это не единственный пример подобной симметрии образных систем фольклорных произведений одного жанра у соседних этнических групп.

Обнаружение в корпусе фольклора монгольских народов сказочного сюжета, в котором гендерный маркер главного героя неустойчив, требует от монголоведов-фольклористов более внимательно относиться как к дальнейшему исследованию системы персонажей, так и к работе по изданию новых полевых записей и архивных материалов.

Использованная литература

- Амстердамская, 1940: *Амстердамская Л. А.* Восточно-халхаские народные сказки. М.; Л., 1940.
- БАМРС, IV: Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. М., 2002.
- Бурыкин, 2007: *Бурыкин А. А.* Вера в духов. Сколько душ у человека. СПб., 2007.
- Буряты, 2004: Буряты. М., 2004.
- Поппе, 1930: *Поппе Н. Н.* Аларский говор. Часть первая. Л., 1930.
- Поппе, 1931: *Поппе Н. Н.* Аларский говор. Часть вторая. Л., 1931.
- Пропп, 2005: *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2005.
- Хангалов, 1889: Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым и О. Н. Затопляевым // Зап. ВСОИРГО. Т. I. Вып. 1. Иркутск, 1889.
- Черемисов, 1973: *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.

D. Nosov

Folktale with unstable male/female main character in Mongolian peoples' folklore

The article deals with three buriat folktales and one folktale of khalh-mongols, taken down in the XIX—XX-th centuries. Comparative analysis of these narratives reveals the phenomenon of unstable gender mark of the main character in mongolian folktales of the same plot.

Key words: mongolian people's folklore, folk-tale, system of characters, gender parallels.